

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ И ЕГО ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТА РОМАНА УВЕ ТИММА «ЖАРКОЕ ЛЕТО»)

Силаева Екатерина Михайловна

Аспирант, Московский педагогический государственный университет
emsilaeva@yandex.ru

Шипова Ирина Алексеевна

Доктор филологических наук, Московский педагогический государственный университет
schipowa@mail.ru

FUNCTIONAL-SEMANTIC FIELD OF
EVIDENTIALITY AND ITS PRAGMATIC
FUNCTIONS IN A LITERARY TEXT (BASED
ON THE TEXT OF UWE TIMM'S NOVEL
"HOT SUMMER")

**E. Silaeva
I. Shipova**

Summary: This article is devoted to the consideration of the functional-semantic field of evidentiality, its components and the pragmatic functions that they perform in a postmodern German literary text. The material for the study was the novel of the German writer Uwe Timm «Hot Summer». The authors of the article assume that evidentiality in the German language can be expressed not only by grammatical, but also by other means, which implies the expansion of the area of constituents of the functional-semantic field of evidentiality due to such phenomena as, for example, intertextual inclusions, which are one of the types of the citative (quotative evidentiality). Analyzing the functional-semantic field of evidentiality, the authors of the article show how different types of evidentiality affect the perception of a literary text by the recipient, how they enrich it, what additional content they can bring to it.

Keywords: evidentiality, literary text, intertextuality, quotative, citative, inferentive.

Аннотация: Настоящая статья посвящена рассмотрению функционально-семантического поля эвиденциальности, его компонентов и тому, какие прагматические функции они выполняют в постмодернистском немецкоязычном художественном тексте. Материалом для исследования послужил роман немецкого писателя Уве Тимма «Жаркое лето». Авторы статьи исходят из того, что эвиденциальность в немецком языке может быть выражена не только грамматическими, но и другими средствами, что подразумевает расширение области конститuentов функционально-семантического поля эвиденциальности за счёт таких явлений, как, например, интертекстуальные включения, представляющих собой один из видов цитативы (квотативной эвиденциальности). Анализируя функционально-семантическое поле эвиденциальности, авторы статьи показывают, каким образом различные виды эвиденциальности воздействуют на восприятие художественного текста, как обогащают его, какое дополнительное содержание могут ему придать.

Ключевые слова: эвиденциальность, художественный текст, интертекстуальность, квотатив, цитатив, инферентив.

Суть прагматического подхода в лингвистике можно очертить рамками исследования языковых элементов в контексте их использования в конкретной коммуникативной ситуации. Категория эвиденциальности, кодирующая в высказываниях источник информации говорящего [de Naan, 1999, с. 84], имеет, по мнению М.Ю. Григоренко [Григоренко, 2011, с. 26], прагматическую направленность, «так как любое высказывание с эвиденциальными показателями ориентировано на адресата и предполагает определённое воздействие на него».

Есть мнение, что эвиденциальность по-разному проявляется в различных функциональных стилях [Бабёр, 2012, с. 79], а следовательно, и в различных типах текста. В художественном тексте эта категория предопределяется задачами, которые продуцент текста – его автор – ставит перед собой в процессе его написания.

Функционально-семантическое поле эвиденциальности негетогенно. Большинство учёных выделяют прямую и косвенную эвиденциальность, в зависимости от того, каков источник передаваемой информации. По типу источников информация может быть прямой, косвенной, непрямой, опосредованной и непосредственной [там же, с. 18]. При прямой эвиденциальности субъект речи сам был свидетелем того, о чём сообщает, и информация может быть получена посредством: 1) чувственного восприятия факта, 2) логического умозаключения по некоторым внешним признакам [Козинцева, 2007, с. 16]. Косвенная эвиденциальность предусматривает «сообщения о факте со стороны другого лица или лиц» [там же]. Различные виды классифицируются детально: когда говорящий приходит к выводам о событии опосредованно, то эвиденциальность обозначается как инферентивная; при получении сообщения о фактах от третьих лиц, речь идёт о цитативе (квотативной эви-

денциальности). При получении опосредованной информации «могут различаться средства передачи слов конкретного лица ('X сказал, что ...'), обобщённого, неспецифицированного или неизвестного говорящего ('говорят, слышно') и, наконец, сведения из так называемого общего фонда знаний ('как известно, ...')» [Плунгян, 2000, с. 324–325].

В немецком языке эвиденциальность выражается различными способами. Как грамматическая категория она имеет лишь периферийное значение, поэтому мы не ограничиваемся лишь грамматическими средствами эвиденциальной маркировки, что в некоторой степени поддерживает и Анна Зоцка, критикующая ограничение данной семантической области лишь уровнем грамматики [Sоска, 2008, с. 376]. Однако доминантой функционально-семантического поля эвиденциальности большинством исследователей [Москалёва, 1984; Шакирова, 1988; Балабаева, 2009 и др.] признаётся конъюнктив I и II, поскольку эти формы наиболее регулярно используется для выражения «значения засвидетельствованности на морфологическом уровне» [Шакирова, 1988, с. 3]. Кроме того, отмечается, что в том же секторе находятся сложноподчинённые предложения, в составе которых содержатся глаголы или отглагольные существительные речемыслительной деятельности. Ближайшую периферию функционально-семантического поля эвиденциальности составляют конструкции *accusativus cum infinitivo* с глаголами зрительного, звукового, чувственного и т.п. восприятия (*sehen, hören, fühlen ... + Infinitiv I*), глаголы *scheinen, meinen, glauben + zu-Infinitiv I/II, sollen, wollen+Infinitiv I/II* [Москалёва, 1984; Шакирова, 1988; Балабаева, 2009: 145 и др.]. К компонентам данного поля относят модальные слова и словосочетания типа *angeblich, meines Erachtens, meiner Meinung nach* и т.п.

Всё перечисленное хорошо изучено в лингвистике на сегодняшний день, добавим только, что «функционально-семантическое поле эвиденциальности относится к полям полицентрического типа» [Григоренко, 2011, с. 177], поскольку внутри него выделяются также поля пересказывательности, инференциальности и адмиративности» [Козинцева, 2000, с. 227], которые, в свою очередь, могут выражаться «формально разными, непересекающимися способами» [Григоренко, 2011, с. 238]. Кроме того, большинство германистов указывает на связь эвиденциальности и эпистемичности, выражающей оценку степени вероятности истинности пропозиции в высказывании. Обобщая известные точки зрения, отметим, что в «основе данной категории лежит как личный опыт говорящего и свидетельствование описываемого события, так и цитирование, пересказ услышанной, полученной от третьих лиц информации [Козловский, 2019, с. 18]. Таким образом, мы приходим к выводу, что можно отказаться от строгих рамок в подходе к трактовке эвиденциальности, и рассматривать эту категорию

достаточно широко, именно на данную позицию мы опираемся в нашем исследовании.

В качестве объекта нашего исследования мы выбрали текст романа Уве Тимма «Жаркое лето» (1974), что обусловлено несколькими факторами: книга описывает события не столь далёкого прошлого и повествует о конце 60-х годов XX века в Западной Германии. Роман рассказывает о периоде студенческих волнений, происходивших во всей Западной Европе и в ФРГ, и о многих связанных с ними исканиях и заблуждениях молодежи того времени. В связи с этим отметим лингвокультурологическую значимость текста, в котором представлен ряд лингвокультурных кодов, которые определяются как символы значимых событий, объектов, известных личностей и т.п., являющихся объектами осмысления и оценки в контексте соответствующей культуры и включающих в себя культурную интерпретацию, явленную в «оболочке языкового образа» [Телия, 2010, с. 8]. Эти годы воспринимаются как переломный период немецкой истории, приведшей к демократизации общества ФРГ и к постепенному отказу от политики конфронтации с другим немецким государством – ГДР, что в некоторой степени способствовало в дальнейшем объединению обоих государств.

В романе представлена история студента-германиста Ульриха Краузе, который не может найти своё место в жизни, меняет род занятий, выступает активным участником политических акций, внезапно теряет к ним интерес, не в состоянии понять, что надо делать и зачем. Такое содержание предопределяет своеобразную структуру текста, так как в нём накладываются друг на друга несколько повествовательных планов.

Важно сказать несколько слов и об особенностях техники повествования писателя: это монтаж авторского повествования, прямой, косвенной, несобственно-прямой и пересказанной речи, интертекстуальных включений, многочисленных ретроспективных фрагментов, прерывающих хронологический ход событий, что побуждает читателя к постоянным поискам их взаимосвязи.

Поскольку мы предполагаем расширить область конститuentов функционально-семантического поля эвиденциальности, о чём будет сказано далее, то рассматриваем ряд фрагментов как эвиденциально маркированные, поскольку протагонист фиксирует в речи своё восприятие происходящего, размышляет, планирует, сомневается и страдает в форме несобственно-прямой речи, имеющей признаки эвиденциальности. В неё включены авторская и косвенная речь, которая, в свою очередь, содержат в себе мнения, реакции, комментарии и мысли других действующих лиц. Повествование сочетается со всевозможными цитатами, содержащими фрагменты стихотворений, текстов песен, произведений

научной и художественной литературы, а также газетных статей и радиопередач. Все это кодируется как источник информации говорящего/пишущего, т.е. автора текста.

Прозаический повествовательный текст, определяемый также как нарративный, может рассматриваться как функциональная среда эвиденциальности [Шестухина, 2009, с. 10]. Источником информации художественного текста выступает сам писатель. Однако художественный текст содержит «сложные функциональные текстово-речевые единства, структурирующие мысль, упорядочивающие её развитие и придающие ей целостность и законченность» [Брандес, 2004, с. 74], определяемые как композиционно-речевые формы повествования, включающие повествование, описание и рассуждение. Хотя примеры в чистом виде по этой типизации встречаются редко (обычно они смешанные) [Sowinski, 1999, с. 83], маркеры эвиденциальности чаще проявляются в повествовании и описании, чем в рассуждении. Особое значение в этом отношении придаётся всем видам передачи чужой речи, которые мы, в данном случае, предлагаем рассматривать как различные типы эвиденциальности. При этом прямая речь, внутренний монолог и авторская речь содержат в себе так называемую прямую эвиденциальность. С другой стороны, косвенная, несобственно-прямая и пересказанная речь содержат косвенную эвиденциальность, будь то инферентив или квотатив. Относительно понятий «прямая/косвенная эвиденциальность» профессор Храковский поясняет, что прямая эвиденциальность обычно не маркируется и воспринимается как таковая, как оппозиция косвенной эвиденциальности [ср. Храковский, 2007, с. 608].

В нашем анализе мы исходим из того, что, с прагматической точки зрения, каждый текст имеет своей целью выражение определённого идейно-художественного содержания, и используемые языковые элементы выступают средством её реализации. Поэтому маркеры эвиденциальности в названном романе, на наш взгляд, встраиваются в систему текста для выполнения определённых прагматических задач. В подтверждение этого приведём мнение А. Хольцапфельн о том, что пропозициональное содержание текста в эвиденциальном статусе приобретает черты психологического или прагматического свойства [Holzapfel, 2003, с. 202].

Рассмотрим элементы, традиционно воспринимаемые в немецком языке как компоненты функционально-семантического поля эвиденциальности и представим нашу трактовку их прагматических функций.

К ядру этого поля относится презентный конъюнктив, который встречается в тексте романа. Интересно отметить специфику его использования, предопределённую прагматическими задачами данного повествования:

(1) Ja, sagte Ullrich, aber ihm *sei* heute Nacht einiges *klar*

geworden. (1a) Ungeheuerlich. (1b) Dass es uns hier so gut *geht*, das *liegt* daran, dass es den unterentwickelten Ländern so dreckig *geht* (55).

В примере (1) сказуемое в форме презентного конъюнктива маркирует косвенную речь (*sei... klar geworden*), которую автор комбинирует с прямой речью (*Ja, sagte Ullrich u m.ä.*). Это противоречит общепринятым правилам употребления наклонений для выражения прямой эвиденциальности. Фрагмент продолжает эллиптическое предложение (1a), которое в этом плане вообще не маркировано. Эллипсис подготавливает читателя к смене глагольного наклонения в следующем далее сегменте. Предложение (1b) – прямая речь, на что и указывает индикатив глагола и местоимение *uns*, реализующее обращение к говорящему и его окружению. Таким образом, возникает противопоставление маркированной и немаркированной эвиденциальности, противоречащее целостности фрагмента. С прагматической точки зрения, прямая речь обладает наибольшей степенью аутентичности. Косвенная речь – форма дистанцированного представления речи человека [Sowinski, 1999, с. 83]. Исходя из этого, можно предположить, что говорящий в цитируемом фрагменте меняет своё отношение к предмету речи: личное (мысли, тревоги и сомнения) отступает на второй план перед вопросами моральной ответственности человека, живущего благополучной жизнью, перед теми, кто испытывает лишения.

Структуры с глаголом «*scheinen*» также выделяются как один из элементов функционально-семантического поля эвиденциальности, они создают в тексте атмосферу неопределённости. В примере (2) предложение (2a) с глаголом «*scheinen*» воспринимается как «дополнительный эвиденциальный компонент» [Diewald, 2004, с. 246], поскольку он выражает неуверенность в оценке фактичности пропозиции. В предложении (2) дано указание на прямой акустический знак, на который никто не реагирует. Таким образом, речь идёт об инферентивной эвиденциальности, маркированной косвенным показателем фактичности ситуации.

(2) Er hörte das schrille Klingen auf dem Gang. (2a) Niemand außer ihm *schien* in der Wohnung zu sein (43).

Приведём еще один пример, в котором эвиденциальная семантика выражена косвенно:

(3) Ulrich saß in seinem Zimmer vor seinem Schreibtisch und *hörte* das Picken von Lothars Schreibmaschine. (3a) Jemand ging über den Gang ins Bad und schlug die Tür zu. An dem anhaltenden aufdringlichen Husten *erkannte* Ulrich den Kühlschrank – Vertreter, der *offensichtlich* von seiner Reise zurückgekommen war. Unten auf der Straße fuhr ein Auto an, die Räder *quietschten*. (3b) Ulrich versuchte sich auf die Gliederung zu konzentrieren (3c) (45).

Фрагмент текста (3) состоит из трёх частей, образу-

щих единое целое: описание ситуации (авторская речь – 3), слуховое восприятие главного героя (*hörte, quietschten*) с вытекающими оттуда выводами (несобственно-прямая речь – 3а, 3б) и собственно его намерение, о котором снова сообщает автор (авторская речь – 3с). Маркеры эвиденциальности представлены в этом отрывке в виде сигналов слухового восприятия (*hörte, quietschten*), глаголом мышления (*erkennen*) и модальным словом *offensichtlich*, которые указывают на инферентивную эвиденциальность. С прагматической точки зрения, автор намеревается показать разлад во внутреннем состоянии главного героя, который, с одной стороны, должен писать свой реферат о Гёльдерлине, а с другой, периодически отвлекается на любые мелочи.

В примере (4) мы обратили внимание на модальный глагол *müssen*, который Буссманн [Busmann, 2002, с. 206] рассматривает как сильный инферентивный маркер («starke Inferential-Kennzeichnung»), в этом фрагменте возникает неоднозначная комбинация эвиденциальности и эпистемики:

(4) Er versuchte sich vorzustellen, wie Walter sie *gesehen haben musste*, Renate in dem langen schwarzen Schlabberkleid ihrer Großmutter, Nottker in der bestickten Weste und Ullrich in seinem, langen schwarzen Django-Mantel mit Schlapput. (4a) Wie exotische Vögel *müssen* wir für ihn *ausgesehen haben* (245).

Придаточное дополнительное в примере (4) содержит глагол *müssen* с Инфинитивом II, указывающий, прежде всего, на эпистемическую семантику предположения, однако, в (4) содержится косвенный вопрос, что окрашивает всё высказывание эвиденциально. Пример (4а) даёт ответ на вопрос, обнаруживающий определённую оценку достоверности высказывания. Предположительно, причина такой оценки говорящего в ещё одном источнике информации, т.е. в (4а) речь идёт об инферентивной эвиденциальности. Прагматически текст вскрывает два повествовательных плана: помимо авторского повествования возникает другая перспектива, сам герой критически оценивает себя и своё окружение.

Эвиденциальная семантика глагола *sollen* вписывается в рассматриваемое функционально-семантическое поле. При этом речь идёт о квотативной эвиденциальности, которая подчёркивает цитатный характер сообщаемой информации. Оценка фактичности действия, если она выражена, всегда принадлежит непосредственно говорящему, в то время как цитирующий говорящий от неё воздерживается [Sockska, 2008, с. 382]. Проиллюстрируем это примером (3):

(5) Taubenfeld ... hat schon an der Olympiade 1936 teilgenommen, [...]. In der österreichischen Nationalmannschaft, und zwar im Slalom. Er *soll* eine sehr gute Medaillenchance gehabt haben, ist aber gestürzt (48).

В примере (5) речь идёт об информации, достоверность которой, на наш взгляд, не нуждается в проверке, потому что она нерелевантна для содержания романа.

В то же время глагол *sollen* можно рассматривать как маркер эвиденциальности в косвенном побуждении. Если, например, указание исходит из источника, который упоминается в тексте, высказывание с *sollen* представляет собой своего рода косвенную эвиденциальность. Подтверждений этому в романе предостаточно, когда автор описывает протестные действия студентов и подготовку полиции к противостоянию с ними:

(6) Der Einsatzleiter bespricht sich nochmals mit den Kommissaren der Bereitschaftspolizei. (6a) Es bleibt bei der Entscheidung, dass in der Speckstrasse der Durchbruch versucht werden *soll*. (6b) Zwei Hundertschaften *sollen* mit Schlagstöcken gegen die Demonstranten vorgehen. (6c) Zwei Zehnerschaften *sollen* währenddessen die Barrikade räumen (201).

Фрагмент (6) состоит из четырёх предложений (6, 6а, 6б и 6с), которые мы считаем эвиденциальными, поскольку они содержат информацию, передаваемую руководителем подразделения подчинённым, хотя и без прямой ссылки на её источник. Сказуемое *bespricht* в (6) указывает на то, что последующие (6а, 6б и 6с) содержат инструкции для полицейских, маркированные глаголом *sollen*. Прагматически автор добивается эффекта некоторой отчуждённости: люди, отдающие приказы, дистанцируются от предстоящих действий. Напряжённость ситуации смягчается косвенностью императива и отстранённостью пересказанной речи, напоминающей деловой функциональный стиль.

Сходными по своей прагматической функции являются структуры в примерах (7), (8), (9), вводящие различные приказы с помощью глаголов с косвенной семантикой речевой деятельности (*verfügen – распорядиться, abriegeln lassen – приказать оценить, den Befehl geben – отдать приказ*). Они маркируют квотативную эвиденциальность в предложениях, сказуемые которых содержат косвенные признаки речевой деятельности и репрезентируют функциональные оттенки императивно окрашенных сигналов к действию.

(7) Der Polizeipräsident *verfügt* die genaue Beobachtung des Universitätsgeländes und insbesondere des SDS (188).

(8) Der Einsatzleiter hat den gesamten Gebäudekomplex mit Absperrgittern *abriegeln lassen* (200).

(9) Dann *gibt* er *den Befehl*, eine weitere Zehnerschaft zur Verstärkung an die Absperrgitter Speckstrasse zu schicken (202).

Такая форма кодирования информации остаётся эмоционально нейтральной, одновременно она погружает читателя в атмосферу событий того времени.

В романе полиции противостоит студенческая мо-

лодежь, возглавляемая Социалистическим союзом немецких студентов – CCHC (*Sozialistisch-demokratischer Studierendenverband – SDS*). Его лидеры пытаются выработать успешную стратегию уличных боёв, инструкции для которых мы трактуем как эвиденциальные включения. В этом случае автор использует пассивные структуры, смысловой глагол в которых указывает на речемыслительную деятельность: *beschließen – решать, festlegen – определять, erwägen – обдумывать*, как это мы видим в примерах (10), (11), (12):

(10) *Es wird eine Aktion gegen das Springer-Haus beschlossen*

(11) *Es wird festgelegt, wo Barrikaden errichtet werden sollen.*

(12) *Es wird erwogen, Redaktionen und Druckereien zu stürmen* (193).

Стилистически такие элементы текста отличаются от собственно повествования, характер кодирования источника информации схож с оформлением официальных документов. Это особенно заметно на фоне описания боевых акций и действий их участников как, например, в (13):

(13) *Ullrich versucht, Conny anzurufen. Niemand meldet sich. Er läuft nach Hause. Seit Mittag hat er nichts mehr gegessen. Eine Scheibe einschmeißen. Diese Schweine. Diese verdammten Schweine. Hass* (194).

Несоответствие в языковом оформлении фрагментов, которые передают инструкции и предписания в форме квотативной эвиденциальности (7-12), и экспрессивно-эмоциональных контекстов с описанием действий протестующей молодежи как в (13), создаёт эффект возрастающего внутреннего напряжения, придающего тексту определённую динамичность.

В отрывки, где описываются демонстрации, включаются фрагменты правил CCHC. В их формулировках присутствуют императивные инфинитивные предложения. Выделенные курсивом, мы рассматриваем их как форму квотативной эвиденциальности, поскольку они передают информацию из известного источника о том, как действовать в данных обстоятельствах.

(14) *2. In Entscheidungssituationen diszipliniert und ruhig sein, damit sich Meinungen bilden können* (189).

(15) *3. Jeder muss Informationen und Anweisungen weitergeben!*

Polizisten durch falsche Informationen verwirren! (190)

Всего таких правил девять, они пронумерованы и распределены в текстовом пространстве, описывающем происходящее на улицах. Такой монтаж позволяет писателю сделать текст многослойным. В описание актуальных действий включается инородный элемент инструкции из известного источника, что придаёт тексту документальный характер за счёт таких интертекстуальных вставок.

На наш взгляд, интертекстуальность допустимо рассматривать как один из вариантов квотативной эвиденциальности. Её маркировка производится особым способом: в тексте романа это стиливая окраска и курсив. Интертекстуальные фрагменты не связаны непосредственно с содержанием текста, а представляют собой цитаты, создающие своеобразный подтекст без отсылки к конкретному автору. Они передают информацию, которая исходит из источника, не принадлежащего тексту автора, они вступают с этим текстом в прагматически обусловленные отношения. Несмотря на дискуссионность нашей позиции, мы считаем возможным говорить об эвиденциальном характере интертекстуальности в целом. Приведём примеры:

В романе встречаются фрагменты литературоведческих трудов, которые протагонист читает в библиотеке, так как пытается написать реферат о Гёльдерлине:

(15) *Auch Achim ist bewusstseinsabwesend, weil völlig gefühlsarm, ohne jeden Kontakt mit dem, was um ihn geschieht, nichts hörend ...* (126)

С точки зрения прагматики, эти цитаты отражают соответствующее внутреннее состояние главного героя в разных частях романа.

В тексте романа цитируются политические манифесты, сочинения Ленина, известные высказывания К. Маркса и изречения Мао Цзэдуна и др.

(16) *Mao sagt: Wir können ein Ding nur ergreifen, wenn wir es fest packen, ohne Griff auch nur im Mindesten zu lockern* (292).

Такие элементы создают политико-идеологический фон повествования, в который вполне вписывается и философия движения хиппи, имевшего в эпоху 60-х годов XX века особое распространение в западной культуре. Это находит своё отражение в романе через отсылку к музыке и текстам песен Боба Дилана и Битлз.

(17) *What do I do when my love is away.* (104)

Мы рассматриваем подобные включения как проявление эвиденциальности в широком смысле слова, поскольку такие тексты явным образом соотносятся друг с другом и при этом не только передают атмосферу эпохи, но и привносят в текст дополнительное содержание, принадлежащее другому источнику информации. Данные цитаты и реминисценции призваны показать чувства персонажей, передать их внутреннее состояние и тем самым создать определённую полифонию описания происходящего.

В нарративном тексте эвиденциальность реализуется в рамках ситуативно-эвиденциальных речевых блоков, образующих целые сегменты текста. Мы обозначаем их как эвиденциальные блоки, которые строятся по-разному.

Пример (18) иллюстрирует реализацию одного из косвенно-эвиденциальных блоков:

(18) Ulrich *sah* zum Fenster *hinaus*. (18a) Auf dem Vorplatz der Universität *hatten* überall diskutierend Studenten und Studentinnen *herumgestanden* (56).

Главный герой является свидетелем происходящего, о чём он повествует в форме несобственно-прямой речи. Информация получена через чувственное восприятие факта и благодаря логическому умозаключению по некоторым внешним признакам, о чём свидетельствуют временные формы глагола. В (18) и (18a) они не совпадают: т.е. событие уже имело место, когда главный герой начал наблюдать за происходящим. Временной континуум распадается на два пласта: момент наблюдения (*sah hinaus* – претерит/Präteritum) и то, что было ранее (*hatten herumgestanden* – плюсквамперфект/Plusquamperfekt). Таким образом, фиксируется некий зазор между исходной точкой наблюдения, о которой сообщается, и выводом размышляющего о продолжительности события, которое началось ранее.

С прагматической точки зрения речь идёт о расщеплении текста на две позиции (позицию автора и позицию персонажа), которые способствуют усилению образности текста через неоднозначный временной континуум.

В качестве маркеров ситуативно-эвиденциальных речевых блоков может выступать курсив, которым отмечены почти все интертекстуальные вставки в романе, и косвенная речь персонажа. В (19) цитата из философско-критической книги Герберта Маркузе о развитии промышленной цивилизации прерывается косвенной речью главного героя, что реализует своеобразное столкновение разных сфер жизни персонажей: идеологические основы студенческого движения и повседневные потребности сменяют друг друга, как если бы они были единым содержательным целым:

(19) ...*Der Glücksanspruch hat einen gefährlichen Klang in einer Ordnung, die für die meisten Not, Mangel und Mühe bringt.*

(19a) Die Frikadelle sei gut, sagte Ulrich begeistert, er habe noch nie eine so gute Frikadelle gegessen. (127)

Таким образом, эвиденциальным блоком становится монтаж цитаты (19) и косвенной речи (19a), который производит эффект многоголосия. Презентный конъюнктив передаёт в форме косвенной речи момент повествования, а цитата, маркированная курсивом, является способом объяснения возбуждённого состояния главного героя, который воспринимает действительность через призму своих идеологических убеждений.

Возможностью графического обозначения эвиденциальности в ситуативно-эвиденциальном речевом блоке являются скобки, что мы видим в примере (20):

(20) Conny hatte die Pfanne auf die Flamme gestellt (richtig kochen kann man nur auf Flamme, Elektro geht nicht) und legte Speck hinein (155).

В высказывание вводится вставка в скобках (*richtig kochen kann man nur auf Flamme, Elektro geht nicht*), которая подаётся как своеобразный комментарий. По всей вероятности, это мнение или речь названного персонажа. Содержание предложения в скобках ни в коей мере не связано с содержанием романа и может быть опущено, но для автора оно имеет определённое значение, поскольку там даётся имплицитная характеристика Конни: это человек, разбирающийся в кулинарном искусстве. Посредством графического обозначения (скобок) этот комментарий выделяется на фоне текста, что позволяет воспринимать его эвиденциально и рассматривать как цитатив.

В своей статье об эвиденциальности «Шифтеры, глагольные категории и русский глагол» Роман Якобсон упоминает сны как один из возможных источников информации. «Говорящий сообщает о событии, основываясь ... на снах ...» [Якобсон, 1972, с. 101]. В литературоведении существует много исследований техники сновидений, но для лингвистики это не имеет особого значения, потому что основное внимание уделяется не содержательной, а языковой стороне. Но на одном примере описания сновидений из романа «Жаркое лето» нам бы хотелось остановиться подробнее, во-первых, потому что эти сновидения встречаются в тексте несколько раз, а во-вторых, потому что в нём интересны те эвиденциальные маркеры, на которые они указывают.

(21) Ullrich schlürfte den Jasmintee und aß ein Stück Schafkäse.

(21a) Ich hab geträumt. Ich trieb auf einer Luftmatratze durch riesige schwarze Röhren. Ein Kanalsystem *offenbar*. Ich suchte jemanden. Wen, weiß ich nicht mehr. ... (210).

Описание сна дано без комментариев, в форме 1-го лица ед. ч. и включает в себя то, что снилось главному герою. В качестве формы повествования используется претерит (das Präteritum), маркером инферентивной эвиденциальности выступает модальное слово *offenbar*. Следовательно, определённые маркеры эвиденциальности могут присутствовать и в описании сновидений, причём прагматическое значение этих маркеров в тексте подчинено идее отражения психических процессов, переживаемых персонажем, и определяется общим содержанием произведения.

Несколько слов скажем об упомянутой во введении линии лингвокультурологической значимости данного текста: присутствующие в нём лингвокультурные коды: имена классиков немецкой литературы (Фридрих Гёльдерлин, Ахим фон Арним и др.), великие и известные музыканты (Л.В. Бетховен, Б. Дилан и др.) политические деятели (К.Г. Кизингер, Мао Цзэдун, В.И. Ленин, Р. Дучке и

мн. др.), описание исторических событий прошлого и современности отсылают читателя к различным источникам информации, позволяющим не только проследить, как развивается повествование в книге, но и расширить свои знания в различных гуманитарных областях. Весьма спорная, но всё-таки не лишённая оснований позиция состоит в том, что все эти элементы, присутствующие в тексте, также кодируют источник информации, которые эти коды в себе заключают.

В заключение хотелось бы сказать, что наш анализ весьма дискусионен, однако представляет собой попытку не только найти и определить возможные формы эвиденциальности в конкретном тексте, но и интерпре-

тировать их прагматические функции, показать, как они обогащают текст, какое дополнительное содержание могут ему придать. Анализ также позволяет констатировать, что различные виды эвиденциальности по-разному воздействуют на восприятие текста, расширяют его смысловую составляющую. Роман Уве Тимма относится к постмодернистским художественным текстам, о чём свидетельствуют его структурные особенности и поддерживаемые доминанты. В значительной степени это отражается и на характере выбранных автором эвиденциальных стратегий. Анализ, подобный тому, который мы представили, может в конечном итоге помочь лучше понять и интерпретировать не только этот, но и подобный художественный текст.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабёр Н.В. Реализация категории эвиденциальности в немецком языке: дис. ... канд. филол. наук. М., 2012. – 227 с.
2. Балабаева Ю.Е. Автореферентные эвиденциальные конструкции немецкого языка с глаголом *scheinen* (к проблеме межкультурных различий маркеров эвиденциальности) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2009. – №1 (3). – С. 23-26.
3. Брандес М.П. Стилистика текста. Теоретический курс. М.: Прогресс-Традиция; ИНФРА-М, 2004. – 416 с.
4. Григоренко М.Ю. Функционально-семантическое поле эвиденциальности в современном русском языке: дисс. ... канд. филол. наук. – Белгород, 2011. – 211 с.
5. Козинцева, Н.А. Категория эвиденциальности (проблема типологического анализа) // Вопросы языкознания. – 1994. – № 3. – С. 92–104.
6. Козловский Д.В. Реализация авторской эвиденциальности в современном художественном дискурсе // Филологические науки Филологические науки. Научные доклады высшей школы. Международный научный журнал 2019 №4. – С. 17-24
7. Москалева И.П. Система средств выражения некоторых скрытых категорий современного немецкого языка: Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР №15823. – Калуга: Калужский государственный педагогический институт им. К.Э. Циолковского, 1984. – 27 с.
8. Плунгян В.А. Дискурс и грамматика // Исследования по теории грамматики. Вып. 4: Грамматические категории в дискурсе. / Ред. В.А. Плунгян (отв. ред.), В.Ю. Гусев, А.Ю. Урманчиева. – М.: Гнозис, 2008. – С. 7-34.
9. Телия В.Н. Лингвокультурологическая гипотеза воспроизводимости языковых выражений // Живодействующая связь языка и культуры. Материалы конф., посвященной юбилею проф. В.Н. Телия. Тула, – 2010. Т. 1. – С. 5-16.
10. Храковский В.С. Эвиденциальность, эпистемическая модальность, (ад)миративность // Эвиденциальность в языках Европы и Азии. Сборник статей памяти Наталии Андреевны Козинцевой / Ин-т лингвистических исследований РАН. – Спб., 2007. – С. 600–632.
11. Шакирова Р.Д. Эпистемический статус высказывания (на материале современного немецкого языка). Монография. – Набережные Челны: Набережно-челнинский госпединститут, 2005. – 199 с.
12. Шестухина И.Ю. Категория эвиденциальности в русском нарративном тексте: коммуникативно-прагматический аспект. Автореферат дисс. ... к. филол. н. Барнаул, 2009. – С.18.
13. Якобсон Р.О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. – М.: Наука, 1972. – С. 95-113.
14. Bussmann Hadumod. Lexikon der Sprachwissenschaft. Stuttgart, 1983. – S. 275.
15. Diewald Gabriele. Faktizität und Evidentialität: Semantische Differenzierungen bei den Modal und Modalitätsverben. In: LEIRBUKT, ODDLEIF (ed.): Tempus/Temporalität und Modus/Modalität im Sprachvergleich. Tübingen (=Eurogermanistik 18), 2004. – S. 231-256.
16. Holzapfel Anne. Evidentialität im Japanischen. Tübingen Ostasiatische Forschungen. Tuebingen East Asian Studies Bd. 6, 2006. – 224 S.
17. Sowinski Bernhard. Stilistik. Stiltheorien und Stilanalysen. – Stuttgart, Weimar, 1999. – 375 S.
18. Socka A. Die Konstruktion würde + Infinitiv als evidentieller Ausdruck des Deutschen URL: <https://www.researchgate.net/deref/http%3A%2F%2Fdx.doi.org%2F10.18778%2F2196-8403.2008.17; дата обращения 12.11.2022>

© Силаева Екатерина Михайловна (emsilaeva@yandex.ru), Шипова Ирина Алексеевна (schipowa@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»